

вах, обычаях и традициях, имевших место в среде ально-экономических преобразований в Российско-русского купечества на фоне масштабных соци- кой империи на рубеже XIX–XX вв.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 25. Оп. 2. Д. 745.
2. Краткий очерк об учреждениях Санкт-Петербургского купеческого сословия. СПб. 1908.
3. Содействие русской торговле и промышленности. 1868. 25 февраля.
4. Лейкин Н.А. Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке. СПб., 2003.
5. Журнал для акционеров. 1859. 7 мая.
6. Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранцы в структуре Санкт-Петербургского предпринимательства во второй половине XIX – начале XX вв. СПб., 2004.
7. Промышленная газета. 1865. 27 июня.
8. Производитель и промышленник. 1860. 5 января.
9. Пятидесятилетие Санкт-Петербургской купеческой управы. 1847–1897. СПб. 1900.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 25. Оп. 2. Д. 750.
11. Коммерсант. 1901. № 2–3.
12. Шустов А.С. Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы. СПб., 1903.
13. Россия в конце XIX в. / Под ред. В.И. Ковалевского. СПб. 1900.
14. История торговли и промышленности / Под ред. Х. Спасского. СПб. 1912. Вып. 5.
15. Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Кн. 1. На рубеже столетий. М., 1999.
16. История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000.
17. Левандовская А.А., Левандовский А.А. «Темное царство»: купец-предприниматель и его литературный образ // Отечественная история. 2002. № 1.
18. Справочная книга о лицах, получивших на 1898, 1901 гг. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1898, 1901.
19. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб. 1903.
20. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря Б.г. СПб. 1910.
21. Ульянова Г.Н. Предприниматель: тип личности, духовный облик, образ жизни // История предпринимательства в России. М., 2000. Книга 2.

М.К. Чуркин

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АГРАРНОГО КРИЗИСА В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ И ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Омский государственный педагогический университет

Аграрный кризис конца XIX – начала XX вв., сопровождавший экономические и социально-политические процессы в европейских губерниях России, является одной из самых острых проблем отечественной и зарубежной историографии. В 1970 гг. в советской исторической науке в целом возобладал подход, в соответствии с которым противоречивый характер развития капитализма в сельском хозяйстве в условиях аграрного перенаселения, малоземелья, истощения земельных ресурсов приводил к снижению уровня жизни крестьянства, проявившемуся в голоде 1891–

1892 гг. и социальных потрясениях 1905, 1917 гг. [1]. В заданном контексте существовали подходы, в рамках которых положению крестьянства и состоянию аграрного сектора России давались более нюансированные, уточняющие оценки. П.Г. Рындзюнский отмечал спорность тезиса о преобладании в предреформенную эпоху тенденции к снижению экономического потенциала крестьянских хозяйств и ухудшению материального положения сельскохозяйственных производителей [2]. В трудах И.Д. Ковальченко, А.С. Нифонтова, Л.В. Милова настойчиво проводилась мысль о «грандиозном аг-

рарном кризисе», «ухудшении положения крестьян», «падении крестьянских хозяйств», но при этом ареал распространения кризисных явлений авторами очерчивался в пределах Центрального производящего региона [3; 4; 5]. М.С. Симонова, сосредоточив в своих работах внимание на деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, подчеркивала, что санкционированное властными структурами широкое обсуждение крестьянского вопроса, объединение усилий всех ведомств, имеющих отношение к сельскому хозяйству, и придание аграрному вопросу статуса «общегосударственного» означали признание кризисных явлений в сфере сельскохозяйственного производства Европейской России. С точки зрения М.С. Симоновой, с наибольшей силой кризис затронул Центрально-Черноземный регион, что и стало основной причиной включения в программу Особого совещания специального пункта о принятии особых мер для подъема сельского хозяйства в этой части страны [6]. В зарубежных исследованиях экономического развития России, опубликованных в 1970–90 гг., сделан акцент на выявление региональных особенностей хозяйственного развития. Такие специалисты, как П. Грегори, С. Уиткрофт и др., отмечая общую тенденцию роста производства зерна на душу населения, оговаривают, что динамичный рост был характерен в конце XIX в. только для недавно заселенных Южного и Восточного производящих районов. За средними цифрами скрывалась стагнация темпов зернового производства в Северном потребляющем регионе и упадок в Центральном производящем [7; 8]. Соглашаясь в основном с тезисом о локальном характере аграрного кризиса в Европейской России, автор ставит своей задачей выявить возможные варианты преодоления или смягчения последствий кризисной ситуации для крестьянских хозяйств губерний Черноземного центра, рассматривая переселения на окраины страны, и прежде всего в Сибирь, как наиболее объективно обусловленный путь решения аграрной проблемы в существующем на рубеже XIX–XX вв. социально-экономическом контексте.

К концу XIX – началу XX вв. в развитии крестьянского хозяйства Черноземного центра России стали очевидными кризисные явления. Сравнение данных об урожайности за последнее двадцатилетие XIX в. свидетельствует, что в период с 1881 по 1900 гг. средняя урожайность озимых хлебов в Воронежской губернии выросла лишь на 11 %, в Орловской – на 5 %, в Курской даже снизилась, в то время как в Новороссийском регионе за тот же срок возросла на 36 %, а в Северо-Восточном регионе Европейской России – на 59 % [9]. Показатели средней урожайности озимых хлебов в губерниях

Черноземного центра (в Тамбовской – 54 пуда с десятины, в Курской – 48, в Воронежской – 42, в Орловской – 41) практически не отличались от аналогичных данных по северо-восточным губерниям Европейской России (46 пудов с десятины), где природно-климатические условия были хуже. Центральное Черноземье продолжительное время занимало первенствующие позиции в стране по объему зернового производства, но в конце XIX в. уступило лидирующее положение степным и нижне-волжским губерниям.

Впадение Черноземного центра в кризис было порождено низким уровнем развития производительных сил деревни, выразившимся в слабости материально-технической базы сельскохозяйственного производства – использовании скудного инвентаря, тяглового скота невысокого качества, примитивной трехпольной системы севооборотов. Кумулятивно проявившиеся хозяйственные проблемы совпали по времени с активизацией демографических процессов в черноземной деревне, где избыток населения активно стимулировал прогрессирующее малоземелье. Сельское население центральных губерний с 1861 по 1900 гг. выросло более чем на 74 % и составляло к началу XX в. 11 201 тыс. чел. [10, с. 60–63]. В то же время стремительный рост населения империи не сопровождался заметным расширением земельного фонда. Проведенное статистиком Ф. Щербиной в 1893–1894 гг. исследование показало, что в 1863 г. количество пахотных земель в Европейской России равнялось 88 802 тыс. десятин, валовой сбор зерна с посевной площади 200 164 тыс. четвертей и численность населения 61 420 тыс. душ обоего пола, а в 1886 году под пашнями было уже 106 666 тыс. десятин, валовой сбор зерна выражался в 240 000 тыс. четвертей, и население возросло до 78 590 тыс. душ обоего пола. Таким образом, за 23 года площадь пахотных земель расширилась на 17 864 тыс. десятин, или на 16.7 %, сбор зерна повысился на 39 836 четвертей, или на 16.6 %, а население увеличилось на 17 170 тыс. душ, или на 21.8 % [11, с. 6]. Из приведенной статистики следует, что прирост населения происходил быстрее увеличения земледельческой производительности. В 1863 г. на одну душу населения Европейской России приходилось 29.3 пуда валового сбора зерна, а в 1886 г. – только 27.4 пуда, т.е. почти на 2 пуда меньше [11]. В Воронежской губернии с 1863 по 1891 гг. количество пашен увеличилось на 10 %, валовой сбор – на 30.7 % и население – на 39.4 %, что означало в данном конкретном случае преобладание прироста населения над производительностью земледельческого хозяйства. В 1863 г. в указанной губернии на душу населения приходилось 38.3 пуда зерна, а в 1891 г. – 35.8 пуда – на 2.5 пуда менее [11].

Очевидно, что для объяснения постепенного уменьшения количества земли, находящейся во владении крестьянских дворов, простой ссылки на естественный рост населения недостаточно. Причины постепенного разрастания крестьянского малоземелья коренились не только и не столько в увеличении народонаселения, сколько в особенных свойствах сложившегося в России аграрного порядка, наиболее яркими проявлениями которого являлись примитивизм и рутинность сельскохозяйственных технологий, а также специфический порядок наследования земли. Сторонники интенсификации аграрного производства неоднократно писали о том, что наше «малоземелье» показалось бы «многоземельем» не только французскому крестьянину, но и английскому фермеру. Признавая существование «относительного малоземелья» в центральных губерниях страны, С.Н. Булгаков констатировал: «Не нужно думать, что русское малоземелье по сравнению с другими странами было так значительно или вообще существовало. Это сравнение свидетельствует, напротив, что Россия в теперешнем своем состоянии принадлежит к числу стран, наиболее многоземельных. Сербия имеет земли в 2.5 раза меньше России (на душу населения), но вывозит хлеб, Австрия в 3 раза меньше, но вывозит хлеб...» и т.д. [12, с. 283–284]. В ходе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. впервые на государственном уровне была предпринята попытка дать ответ на вопрос о причинах кризиса крестьянского хозяйства и путях выхода из этого кризиса. В одной из записок, представленных на обсуждение М.М. Федоровым, указывалось, в частности, на необходимость «планомерного и сознательного приспособления сельского хозяйства к изменившимся условиям мирового рынка», причем осуществление этой задачи автор соотносил с кардинальным переустройством сложившейся системы в аграрном секторе. Крестьянское хозяйство, по мнению не только М.М. Федорова, но и Р.Э. Ленца, А.Н. Куломзина и других, стояло на крайне низком уровне, что могло быть преодолено только введением новых агрикультур, поднятием техники сельского хозяйства, рациональной организацией сбыта [13, л. 58].

Попытки интенсификации сельскохозяйственного производства путем приобщения крестьян к новым аграрным технологиям и технической модернизации в реальной жизни имели преимущественно эпизодический и экспериментальный характер. Так, например, в начале XX в. опытных станций, призванных содействовать развитию сельскохозяйственной практике в России, насчитывалось 19 против 60 в Германии [14, с. 14]. Знакомство с передовыми аграрными технологиями (чешскими, мо-

равскими и др.) базировалось главным образом на частной инициативе наиболее эмансипированных хозяев и не вызывало особого интереса среди большинства крестьян, вследствие их приверженности традиционным, сложившимся формам хозяйствования и недостатка материальных средств. В завуалированной форме в период деятельности Особого совещания на этот факт указывал С.Ю. Витте, констатируя, что «сельское хозяйство в силу своих особенностей слабо поддается мерам правительственного (внешнего. – М.Ч.) воздействия» [15, л. 8–9]. Решающим фактором, определившим эскалацию кризисных явлений в аграрном секторе экономики, стало повсеместное господство в центрально-земледельческих губерниях общинных форм землевладения. В сложившихся обстоятельствах право на землю имело все потомство земледельческого населения и притом не только основанное на принадлежности к семье как при частной поземельной собственности, но и право, основанное на принадлежности к территориальной общине. Двойное право на землю каждого крестьянина реализовывалось посредством семейных разделов: частных и общих переделов земли. Предоставляя земледельцу двойное право на землю, общинная система землевладения гарантировала каждому крестьянину сохранение этого права. Таким образом, при общинном землевладении весь прирост земледельческого населения не только допускался к участию во владении землей, но и обеспечивался от ее потери.

В отечественной историографии существует условное деление сельских обществ на малоземельные (менее 1 до 2 десятины включительно на одну ревизскую душу), средне-земельные (более 2 до 5 десятины) и многоземельные – свыше 5 десятины [16, с. 119]. В центрально-черноземных губерниях в конце XIX в. в малоземельных общинах проживало 395 254 (11 %) крестьян мужского пола, в средне-земельных – 2 183 296 (62.5 %), в многоземельных – 951 995 (26.5 %), а в остальных 30 губерниях Европейской России – 9.59 %, 55.74 %, 34.67 % соответственно [17, с. 44–61].

Однако, по данным правительственной статистики и земельных учреждений, минимальный размер душевого надела, необходимый для нормальной жизни и хозяйственной деятельности, определялся в 5 десятины на душу [16, с. 70–71]. Так, один из специалистов в вопросе землевладения А.Е. Воскресенский полагал, что для эффективного функционирования крестьянского хозяйства норма подворного надела для Центрально-Черноземного района должна была составлять от 10 до 20 десятины удобной земли [18, с. 58]. Действительно, участки меньше 10 десятины были недостаточны для рационального использования рабочей силы семьи. Выборочное

статистическое исследование 10 уездов в 1910 г. показало, что в 3 уездах Тамбовской губернии в пользовании крестьян находилось 1 289 000 десятин, в 4 уездах Курской губернии – 765 000 десятин, в 3 уездах Рязанской губернии – 599 500 десятин. Учитывая, что один работник при трехпольном севообороте справлялся с 9 десятинами пашни, статистики выявили потребность тамбовских уездов в 143 000 мужских рук, курских – в 85 000, рязанских – в 66 600, в то время как реально там насчитывалось соответственно 164 000, 119 000 и 94 000 человек, то есть более 82 000 работников, излишних для рационального земледелия [19, с. 243].

Таким образом, даже по самым оптимистическим расчетам, земельного минимума не получили 73.5 % лиц земледельческого сословия, т.е. около трех четвертей населения. Наиболее тяжелая ситуация сложилась среди бывших помещичьих крестьян. В Воронежской губернии количество их земли в пореформенный период, в сравнении с дореформенным временем, сократилось с 628 989 до 461 298 десятин [20, с. 180, 184, 186, 191]. В целом это означало: 25.2 % малоземельных общин, 74.5 % средне-земельных и только 0.3 % многоземельных [16, с. 44–61]. Существовали ли политические пути решения проблемы крестьянского малоземелья, что отражало чаяния и требования пореформенного крестьянства?

Согласно данным Министерства земледелия и Государственных Имуществ за 1901 г., общая площадь казенных земель в Европейской России составляла 112 280 тыс. десятин, из них 108 024 тыс. десятин – под лесом. Земельные оброчные статьи ведомства государственных имуществ составляли 4 200 тыс. десятин, из которых пригодно для полевых работ не более 3 700 тыс. десятин. Характерно и то, что пригодные для земледельческой культуры свободные земли распределялись по пространству Европейской России крайне неравномерно. Большая их часть концентрировалась в губерниях: Самарской – 1 400 000, Херсонской – 235 000, Саратовской – 222 300, Таврической – 205 000 десятин. На этом фоне дополнительный земельный фонд Черноземного центра выглядел более чем скромно: Тамбовская губерния располагала 68 500 десятинами; Курская – 190, Воронежская – 170 десятинами [21, с. 10]. Очевидно, таким образом, что в пределах губерний, отличающихся наибольшим приростом населения, крестьянство объективно не могло рассчитывать на дополнительное земельное наделение. А.С. Ермолов в работе «Наш земельный вопрос» допускал теоретическую возможность увеличения крестьянских наделов малоземельных местностей посредством переселения лиц крестьянского сословия в более обеспеченные землей губернии, но при этом оговаривал, что в указанных

губерниях значительная часть свободного казенного земельного фонда уже передана крестьянским обществам и товариществам. Решительные шаги в этом направлении были предприняты на рубеже XIX–XX вв. Министерством земледелия, когда в правительственных кругах возобладала идея о том, что казенные земли должны прежде всего служить для потребностей нуждающегося в земле местного населения. По статистическим данным, в рассматриваемый период от 85 до 95 % казенных земель уже находились в руках крестьян [22, с. 12].

Монастырские земли, по данным Святейшего синода за 1890 г., насчитывали 451 тыс. десятин, из них 230 тыс. – под лесом. Церковные земли включали в себя 1 154 тыс. десятин пахотных угодий. Отчуждение этих земель для предоставления крестьянству в православной стране было возможно лишь при кардинальном изменении государственной политики в отношении церкви и духовенства, для которого наличные пахотные земли представляли главное жизнеобеспечение. Принимая во внимание, что средняя численность прихожан в России составляла до 700 душ мужского пола, в случае отвода церковной земли крестьянам на каждую душу пришлось бы не более 0,05 десятин земли, т.е. такая площадь, которая не могла оказать существенного влияния на улучшение быта земледельцев. В соответствии с данными Центрального статистического комитета МВД за 1905 г., дворянская частная собственность на землю составляла 53 170 000 десятин. Таким образом, Россия в качестве потенциального фонда для дополнительного наделения крестьянства располагала 60 870 000 десятинами удобной земли.

Имея в виду, что наделные земли крестьян к 1905 г. составляли 138 767 587 десятин, а их земли, принадлежащие по праву частной собственности, – 13 214 025, предполагаемая прибавка составила бы около 30 %, а к обычно принимаемой цифре 2.6 десятины наделной земли – менее 1 десятины на душу [22, с. 39].

На протяжении длительного времени в земледельческой среде устойчивым был слух о наделении всех крестьян-общинников «по пять десятин на душу». А.С. Ермолов писал: «Между крестьянами распространены теперь слухи, что «Витя» (С.Ю. Витте) обещал всем прирезать по пять десятин на душу» [22, с. 40]. Аналогичные сообщения содержатся в донесениях начальников губернских жандармских управлений Центрально-земледельческого района за 1899–1904 гг. Подобно тому, как в конце 50-х годов XIX в. крестьяне были убеждены, что документы об их освобождении помещики положили под сукно, так и в пореформенное время их не покидала уверенность в переделе и дополнительном земельном наделении.

Ввиду невозможности и нецелесообразности урегулирования вопроса малоземелья политическим путем в рассматриваемый период оставался лишь традиционный, исторически сложившийся способ решения аграрной проблемы. Постоянный земельный голод заставлял общину искать всевозможные дополнительные источники расширения посевных площадей. В сферу активно используемых сельскохозяйственных угодий вовлекались имевшиеся в наделах неудобья, нераспаханные, целинные и заброшенные земли, луга, пастбища, лесные массивы. По данным Комиссии 16 ноября 1901 г., в 1900 г. пашня составляла 82 % удобных наделных земель в Воронежской губернии, 84 % – в Орловской и Тамбовской, 89 % – в Курской [10, с. 60–63]. В этот же период почвоведомы и экономистами ставился вопрос о допустимом пределе распашки земель, за которым дальнейшее увеличение пашни может отрицательно сказаться на развитии крестьянского хозяйства. П.Н. Черменский, опираясь на выводы Н.П. Огановского, отмечал, что «... в районе черноземной полосы предел дальнейшему распространению пашни кладется тогда, когда она достигает круглым счетом 80 % удобной безлесной территории» [23, с. 30]. А.А. Кауфман и А.В. Чайанов считали рациональным трехпольное хозяйство тогда, когда площадь лугов и выгонов равнялась бы пахотной площади. К 1864 г. в Воронежской губернии пашня составляла 60,2 % от остальных земель, в 1881 г. – 77,7 %, в 1900 г. – 82,2 %. А.Е. Воскресенский, ссылаясь на расчеты П. Лохтина, утверждал, что при трехпольном зерновом хозяйстве одни луга должны составлять не менее 100 % пахотной площади, а в центрально-черноземных губерниях все угодья: луга, выгоны, леса, усадебные и приусадебные земли, составляли только 25 % пашни [18, с. 64]. По сведениям Центрального статистического комитета (их приводит в своей работе А.Е. Воскресенский), на 100 десятин удобной земли в 1887 г. приходилось пашни, лугов и выгонов соответственно в Курской губернии – 79,0; 4,6; 3,3 %; в Орловской губернии – 80,0; 7,9; 3,0 %; в Воронежской губернии – 78,6; 3,2; 5,8 %; в Тамбовской губернии – 79,0; 5,4; 3,8 % [18, с. 64–65].

Интенсивная распашка земли, предпринятая в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX вв., наряду с сиюминутным разрешением земельного вопроса, имела гораздо более существенные отрицательные последствия аграрно-экологического характера: сокращались площади лесов, пастбищ и пойменных лугов, что приводило к эрозии почв, заиливанию рек, нарушало систему севооборотов, способствовало заовраживанию. По данным Воронежского губернского земства, в начале XX в. в 6 уездах было выявлено 2 230 оврагов, занимавших площадь в 13 тыс. десятин. Для их укрепле-

ния требовалось более 2,5 млн. рублей [9, с. 66].

Заметное преобладание пашни среди прочих угодий имело не только негативные экологические, но и социально-экономические последствия – сокращение поголовья скота вследствие нехватки пастбищ, снижение производительности зернового хозяйства из-за истощения почв и нехватки удобрений. Уже упомянутая Комиссия 1901 г., исследуя динамику численности крестьянского скота Воронежской губернии в период с 1870 по 1900 гг., пришла к неутешительным выводам о повсеместном падении уровня животноводческого производства. В 1870 г. на 100 жителей приходилось 32,0 голов крупного рогатого скота; в 1880 – 27,6; в 1890 – 26,5; в 1900 – 26,3 [10, с. 204]. Запуск пашни в лес отрицательно сказывался и на состоянии зернового хозяйства. Косвенным подтверждением стагнации зернового производства в Центральном Черноземье может быть исследование, проведенное в 1901 г. экономистом П. Лохтиным. Он установил, что за 15 лет – с 1883 по 1898 гг., при средней урожайности 36,9 пуда с десятины, урожайным был только 1893 год [24, с. 138], а в плане снабжения хлебом на душу населения, при физиологической норме 18 пудов в год, за тот же временной отрезок только 1884, 1887, 1893–1896 годы являлись удовлетворительными [24, с. 152]. Чистый остаток хлеба на душу населения имел отчетливую тенденцию к сокращению: 1860–1870 – 20,6 пуда; 1888–1898 – 15,7 пуда [20, с. 142].

Недостаточность общинного надела в совокупности с неудобным расположением земельных угодий вынуждала крестьян Черноземного центра России увеличивать размеры землепользования за счет аренды частных, удельных и казенных земель. Особенно часто были вынуждены прибегать к практике аренды те сельские общины, «у которых отрезаны луговые и пастбищные участки» [1, с. 134]. По данным Центрального статистического комитета, в 1881 г. на 100 десятин снятой во временное пользование земли в Воронежской губернии приходилось пашни 69,1 %, лугов и выгонов – 30,9 % [16, с. 346, 350, 352]. К началу XX в. в центрально-черноземных губерниях, по сравнению с 80-ми гг. XIX столетия, аренда увеличилась с 1 481 934 десятин до 2 322 500 десятин и составляла 20,5 % к наделной земле, а в Воронежской губернии – с 395 813 до 603 200 десятин [16, с. 363–369; 388–389]. Статистические материалы земского обследования уездов Воронежской губернии, в частности Землянского, показывают, что арендные отношения развивались в зависимости от хозяйственной состоятельности различных групп крестьянства. В указанной местности крестьяне-бедняки (безлошадные и однолошадные) составляли 57 %, тогда как зажиточные только 4,7 %. Бедняки, имевшие на один двор от 4,5

до 7.8 десятин надельной и от 0.8 до 3.8 десятин купчей земли, арендовали на одно хозяйство от 1.4 до 2.0 десятин [25, с. 328–329]. В таких случаях преобладал наиболее распространенный вид аренды – подесятинный на один посев. Аренда «из нужды» в конечном итоге не спасала крестьянина от малоземелья и обнищания. Постепенно, с увеличением численности семьи и параллельным снижением доходности, такой домохозяин ослабевал и формально зачислялся в разряд «неисправных».

Обзор экономического положения крестьянских хозяйств черноземной полосы Европейской России свидетельствует об ограниченности внутренних резервов к преодолению социально-экономического кризиса. В то же время необходимо отметить следующее. Во-первых, сложившаяся кризисная ситуация в аграрной сфере в конце XIX – начале XX вв. не носила всеобъемлющего общероссийского масштаба и была ограничена лишь Центрально-Черноземной зоной, включающей в себя семь губерний и сосредотачивавшей около 15 % населения страны [10, с. 216]. Во-вторых, было бы неверно полагать, что сокращение зернового производства, снижение доходности сельскохозяйственного производства неизбежно влекли за собой катастрофические последствия для отдельных крестьянских хозяйств. А. Трайнин отмечал, что «обнищавшая деревня, как автономное явление, обладает рядом преимуществ: недоедание в деревне носит хронический, наследственный характер. От отца к детям переходит крестьянское долготерпение и способность удовлетворяться самым малым. Ухудшение крестьянского хозяйства происходит постепенно. Он продает инвентарь, скот, сокращает площадь посева. Путь к «голодному» хлебу усеян переходами, притупляющими чувство протеста» [26, с. 11–13]. С.А. Сказкин справедливо указывал на то, что жизненный стандарт крестьян эластичен и может сокращаться. Наконец, во второй половине XIX в. правительство, осознающее масштаб проблемы, сложившейся в Центрально-Черноземной России, предприняло целый ряд действий. Среди них наиболее значимыми были уменьшение выкупных платежей в 1881 г. и перенос основного налогового бремени с прямого на косвенное налогообложение, что означало перемещение налоговой нагрузки с крестьянства на городское население, торговый и промышленный секторы экономики [27, с. 35].

Неправомерно говорить и о том, что крестьянство центральной части России окончательно и бесповоротно смирилось с существующим положением и ограничило поиск возможностей улучшения собственной судьбы только вышеперечисленными путями. В пореформенный период крестьянство все чаще пытается изменить свое экономическое положение посредством действий, связанных с оп-

ределенной долей риска, к числу которых относились отхожие промыслы.

Ограниченность земельного фонда, свойственная региону климатическая нестабильность вкупе с аграрным перенаселением делали жизненно необходимым для крестьян занятие промыслами. В губерниях Центрально-земледельческого района годовой заработок рабочего, занятого в фабрично-заводских промыслах, колебался в пределах 78–160 руб., в сельскохозяйственных промыслах – 64–69 руб. В отхожих промыслах, более обременительных и менее прибыльных, заработок находился в диапазоне 28–52 руб. [10, с. 216]. Вместе с тем промыслы никогда не были надежным источником дополнительного заработка для крестьянства Европейской России второй половины XIX – начала XX вв. по целому ряду причин. Абсолютное большинство крестьян, ищущих заработка в промыслах, представляли собой неквалифицированную рабочую силу – от года к году количество мастеров в центральной полосе России шло на убыль, утрачивались специальности, нарушалась ремесленная преемственность. А.С. Ермолов писал: «Явление, хорошо известное всем хозяйствам средней России, – почти полное отсутствие в деревнях всяких ремесленников, специалистов, мастеров. Все хотят жить только от земледелия» [22, с. 31–32]. Не менее существенной причиной ограниченности промыслов стало изъятие земли у частных владельцев в пореформенный период, что лишало деревню верного и выгодного заработка. Служащие Крестьянского Поземельного банка, организовывавшие перепродажу крестьянским обществам помещичьей земли, констатировали, что крестьяне, увеличившие наделы с 3 до 17 десятин на двор, жаловались агентам банка на ухудшение своего положения: «Прежде у нас на 12 графских хуторах большие заработки были, <...> а теперь куда пойдешь – ближе 40–50 верст и копейки зашибить негде» [20, с. 26–27].

Наконец, в условиях малоземелья Центрального Черноземья и жесткой общинной регламентации всех сфер крестьянской жизни и особенно поземельных отношений уход крестьянина на промыслы мог рассматриваться как разновидность сословной дисквалификации, отклонения от традиционной крестьянской функции – быть земледельцем. При определении контингента наделяемых община считала необходимым обеспечить землей тех, кто имел с ней потомственную связь, являлся земледельцем де-факто. Община, отклоняя просьбы о наделинии землей чужаков, выталкивала нередко и старожилов, увлекавшихся отхожими промыслами, причем делала это оперативно, пренебрегая элементарными юридическими нормами. Так, в Верхотойденском сельском обществе Бобровского уезда Воронежской губернии в 1899 г. при 11 отсутствую-

щих было оставлено в запас лишь 6 душевых наделов и произведен самовольный передел без составления официального приговора [28, л. 6]. В этом же году жители слободы Семейки Острогожского уезда Воронежской губернии в постановлении схода прямо говорили о том, чтобы не предоставлять землю тем из односельчан, кто постоянно проживал на заработках в Воронеже [28, л. 125]. Данные факты свидетельствуют о том, что община, крайне заинтересованная в сохранении наделной земли, стремилась всеми возможными мерами ограничить круг претендентов, а при благоприятных условиях максимально его сузить. Вероятно, этими устремлениями объясняется стабильность структуры занятости сельского населения в Черноземном регионе России. По подсчетам Б.Н. Миронова, на 1897 г. только 7.0 % крестьянства участвовали в промыслах, непосредственно же в земледелии было задействовано 82.5 % лиц крестьянского сословия [29, с. 306].

В качестве одного из наиболее эффективных путей решения аграрных проблем Черноземного центра России во второй половине XIX – начале XX вв. могло выступить переселение на окраины страны, прежде всего, в сибирские губернии. Переселяющийся с семьей или частью однообщественников крестьянин сохранял свою принадлежность к земледельческому сословию и имел реальные шансы, удовлетворив в новых условиях земельный «голод», добиться экономического успеха. Наибольшим неудобством при переселении крестьяне называли, как правило, нежелание расставаться с родиной. В прошении о переселении в Сибирь, направленном в Воронежское по крестьянским делам присутствие, группа крестьян говорит: «Неурожаи разорили нас, и мы решили переселиться в Томскую губернию, хотя и жалко расстаться с родиной» [30, л. 102]. Тем не менее экономический дискомфорт, проявлявшийся в Центральном Черноземье в недостатке размеров наделных земель, неблагоприятном распределении земельных угодий, низкой урожайности и истощенности полей, привел к оттоку, массовому переселению крестьян черноземной России на новые земли, в Зауралье. Переселенческое движение в Сибирь в первые пореформенные 25 лет, с 1861 по 1885 гг., являлось незначительным. По данным А. Омельченко, в указанный хронологический промежуток ежегодно уходило в Сибирь не более 10 тысяч земледельцев из Европейской России [31, с. 3]. Примерно то же количество (300 тысяч человек) проследовало за Урал и в следующие 10 лет (1886–1895) [32, л. 705]. Однако последующий исторический отрезок дал рост переселенцев почти в четыре раза. В период с 1896 по 1912 гг. из черноземной полосы в сибирские губернии переселилось 3 160 118 крестьян, в том числе

901 654 из собственно центрально-черноземных губерний – Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской, Рязанской [33, с. 26]. По степени переселенческой активности Центрально-Черноземный район занимал первенствующие позиции, опережая Малороссийский и Северо-Западный регионы, что объяснялось как причинами общеэкономического свойства, так и некоторыми особенностями весьма противоречивого внутреннего и внешнеполитического курсов Российского государства. С одной стороны, стремление к упрочению влияния России на Дальнем Востоке требовало от правительства позитивного отношения и поддержки переселенческого движения как объективной возможности реализации колонизационных планов заселения пограничных районов русским элементом «для противодействия наплыву иностранцев» [6, с. 432]; с другой – центральные власти уже в 80-х гг. XIX столетия неоднократно выражали озабоченность по поводу роста переселенческой активности среди крестьян западных губерний России, что в принципе не соответствовало русификаторской политике на западных границах. Так, в связи с увеличившимся числом прошений о переселении в Сибирь со стороны крестьян Витебской губернии в 1886 г., МВД отреагировало специальным отношением, где, в частности, говорилось: «...практикуемая чинами Западно-Сибирского отряда выдача крестьянам письменных удостоверений вызывает в некоторых местностях усиленное переселение в Сибирь и что подобное явление особенно стало замечаться среди крестьян Витебской губернии. Между тем эта губерния отнесена к числу местностей, выселение из которых русских и православных крестьян признается нежелательным по политическим соображениям, вследствие чего МВД просит сделать надлежащие указания о соблюдении осмотрительности в выдаче крестьянам письменных удостоверений» [34, л. 377–378]. Очевидцы активизации переселенческого движения в рассматриваемый период, правительственные чиновники различных рангов отмечали в своих отчетах, что стремление уйти на новые места было свойственно подавляющей массе крестьянства. Воронежский губернатор, отвечая на вопросы МВД о причинах возникшего «переселенческого бума», писал: «Переселения в Воронежской губернии вызываются различными причинами: недоброкачеством наделов, их недостатком, отсутствием выгонов и пастбищных мест и ... каким-то общим стремлением к передвижению, для того чтобы иногда улучшить свое положение, а чаще из-за распространенных мнений, что на востоке и хорошо, и просторно, и никаких повинностей. Часть общества взбудораживается к переселению проходимцами, сочиняющими рассказы о сибирском приволье» [35, л. 1–15].

Подобного рода настроения в крестьянской среде прогнозировались правительством, и еще в первые годы пореформенного периода в правящих кругах возобладало устойчивое мнение, что предоставление освобожденному крестьянству широкой возможности переселения в Сибирь разовьет среди них вредную подвижность и бродяжничество, с одной стороны, и предъявление «непомерных требований относительно пособий и ссуд» – с другой. По отношению к переселенческому движению позиция власти была такова: «... правительство признает это движение, допускает его при известных условиях, но не вызывает крестьян на переселение и, оказывая переселенцам лишь некоторое содействие, в то же время предоставляет им действовать за собственный их страх и риск» [36, л. 201]. В соответствии с данным принципом выстраивалось и законодательство в области переселенческого дела. Правительственные акты, относящиеся к переселению, изданные в 1861, 1866, 1881, 1889 гг., отказывали в возможности переселяться широкой части крестьянства, выдвигая в качестве необходимых к выполнению условий погашение недоимок по месту жительства, наличие приговора нового общества, увольнительного свидетельства из общества по месту проживания, разрешения волостного старшины. Специалист по вопросу переселенческой политики Б.В. Тихонов отмечал, что «об ограничительных распоряжениях правительства крестьяне в губерниях выхода узнавали по письмам из Сибири или по слухам и приходили к выводу, что им нужно лишь суметь любым способом выбраться из Европейской России и добраться до заселенных мест, хотя бы и самовольно, а затем дожидаться официального водворения на казенные земли» [37, с. 110]. По статистике, именно Центрально-Черноземный

район дал наибольшее количество самовольных переселенцев – 41.81 %, тогда как Приуральский, Средне-Волжский и Малороссийский регионы вместе взятые – только 30.5 % [38]. Существование большого процента самовольных переселенцев, особенно в период до строительства Сибирской железной дороги, в колонизаторской практике означало слабо контролируемое распределение этого разряда мигрантов по территории нового земельного региона, которое к тому же сопровождалось последовательным внедрением в сибирские условия традиционных способов экстенсивной экономики. В результате уже в 1890 гг. в казавшейся некогда бескрайней Сибири возникла проблема сокращения колонизационного фонда, малоземелья. В четырех губерниях Сибири в 1893–1894 гг. на лесные участки приходилось 8.4 % общего числа душевых долей, в 1895–1896 гг. – уже 31.7 %, в 1897–1898 гг. – свыше половины (52.1 %), в 1900–1904 гг. – 65.2 % заготовительного фонда Сибири [39, с. 125].

Подводя итоги, следует отметить, что на рубеже XIX – XX вв. в российской деревне Центрального Черноземья внутренние возможности повышения благосостояния крестьянства как основного производящего сословия страны, в рамках экстенсивной экономической парадигмы развития, оказались исчерпаны. Таким образом, в силу доминирующих объективных и субъективных предпосылок в сельскохозяйственном секторе экономики страны в данный период возобладали экстенсивные тенденции, проявившиеся в вовлечении в хозяйственный оборот новых земель, лежащих в азиатской части Российской империи, т.е. в переселении – одновременно вынужденной и жизненно необходимой меры в условиях затянувшегося аграрного кризиса.

Литература и источники

1. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1891 гг. М., 1978.
2. Рындзюнский П.Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г. // Вопросы истории. 1967. №7.
3. Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России во второй половине XIX века. М., 1974.
4. Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1974.
5. Милов Л.В. Великоурский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
6. Симонова М.С. Проблема «оскудения Центра» и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX вв. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.
7. Gregory, P. R. Russian National income: 1885–1913 // Review of income and Wealth. 1980.
8. Wheatcroft S.G. The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics // Soviet Studies. 1974. Vol. 26. № 2.
9. Иванов А.А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны. / Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
10. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии. СПб., 1903. Ч. 1.
11. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.
12. Булгаков С.Н. Аграрный вопрос. Лекции. М., 1909.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 8.

14. Сорокин В. Сельскохозяйственные опытные станции и их значение для земледельческой практики // Северный вестник. 1892. № 6.
15. РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1.
16. Статистический временник Российской Империи. СПб., 1903. Сер. 3. Вып. 10.
17. Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881.
18. Воскресенский А.Е. Общинное землевладение и крестьянское малоземелье. СПб., 1903.
19. В.В. Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1911.
20. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община. Рубеж XIX–XX вв. – 1917 г. (по материалам губерний земледельческого центра страны). М., 2001.
21. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972.
22. Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906.
23. Черменский П.Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. М., 1978.
24. Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901.
25. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897.
26. Трайнин А.А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. № 7.
27. Хок С.А. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 гг. // Отечественная история. 1996. № 2.
28. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 326.
29. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). СПб., 2000. Т.1.
30. ГАВО. Ф. 26. Оп. 30. Д. 68.
31. Омельченко А. В Сибирь за землей и счастьем // Мир Божий. 1900. № 8.
32. РГИА. Ф. 1212. Оп. 16. Д. 2.
33. Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.). Омск, 2001.
34. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 263.
35. ГАВО. Ф. 26. Оп. 22. Д. 80.
36. РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 10.
37. Тихонов Б.В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1.
38. Турчанинов Н. Характерные черты русского переселения до проведения Сибирской железной дороги и в последующий за ее сооружением период // Вопросы колонизации. 1912. № 11.
39. Очерк работ по заготовлению переселенческих участков. 1893–1899. СПб., 1900.

И.А. Ерёмин

МОБИЛИЗАЦИЯ 1914 ГОДА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОМ КРАЕ

Барнаулский государственный педагогический университет

Накануне Первой мировой войны две западно-сибирские губернии – Тобольская и Томская, а также Акмолинская и Семипалатинская области, относившиеся к Степному генерал-губернаторству, входили в состав Омского военного округа (ОмВо). В довоенное время округ имел небольшую группировку войск. В ее составе было 16 батальонов пехоты, 1 саперный батальон, 3-й Сибирский казачий полк, 6 стрелковых артиллерийских батарей, 1 горная артиллерийская батарея, 1 мортирная батарея, 25 местных команд, 1 артиллерийская команда, 4 конвойных команды и 1 дисциплинарная рота. Генералов и офицеров в ОмВо имелось 685, классных чинов (врачи, чиновники) – 219, военных священников – 14, нижних чинов (рядовых) – 17 037. Всего в составе округа находилось 18 955 чел. [1, с. 19–21, 23, 25]. Имея в мирное время небольшой кон-

тингент войск, ОмВо обладал вместе с тем большими мобилизационными возможностями. К 1 января 1914 г. в пределах округа на учете состояло 166 207 рядовых I и II разрядов, 1696 рядовых флота, 29 285 ратников, ранее проходивших службу в войсках, и 56 639 ратников, не проходивших такую службу [2, с. 174].

Начавшаяся в июле 1914 г. мобилизация коснулась запасных нижних чинов (рядовых), которые состояли из лиц, выслуживших полные сроки действительной службы, ратников ополчения I разряда, «проходивших и не проходивших ряды войск». Они должны были стать, согласно своему предназначению, резервом для приведения армейских частей в штатный состав военного времени. С 14 июля 1914 г. в ОмВо было введено «Положение о подготовительном к войне периоде». Общая мобилиза-